
РОЛЬ ОБЩИНЫ НИКОЛЬСКОГО ХРАМА НА МАРОСЕЙКЕ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ МОСКВЫ XX В.

А.Ф. Грушина

Московский журнал: история государства Российского
ул. Николоямская, 45–8–1, Россия, Москва, 109004

В статье рассматривается история становления и развития общины московского храма святителя Николая в Кленниках в Москве. Проведенный анализ позволил выявить духовные корни и связи прихода, его характерные особенности, главная из которых заключалась в том, что он не был разрушен после закрытия храма и отъятия пастырей, что являлось уникальной ситуацией тех лет не только для Москвы, но и всей Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: культура, духовная жизнь, Маросейская община, богослужбная семья, приходская жизнь, старец Алексей Мечёв, священномученик Сергей Мечёв.

Введение

Обоснование темы. В самом начале старинной московской улицы Маросейска (рядом со станцией метро Китай-город) находится небольшой храм во имя святителя Николая Мирликийского в Кленниках, история строительства которого восходит к XVII в.

Храм примечателен тем, что в конце XIX в. в нем зародилось духовное объединение верующих, сплотившихся вокруг его настоятеля протоиерея Алексея Мечёва, в миру известного всей России старца. Это объединение, названное старцем-основателем «монастырь в миру», после его кончины, с начала 1920-х гг., окормлялось его сыном священником Сергием Мечёвым, а также иереем Борисом (Холчевым), а затем их единомышленниками и последователями.

Эта, по словам священномученика Сергия Мечёва, «покаяльно-богослужбная семья» смогла сохранить общинный дух и церковное единение и пронести их через все тяготы послереволюционных, а затем и хрущевских гонений на церковь. Благодаря своим пастырям Маросейский храм стал единственным в своем роде феноменом духовной, культурной и социальной жизни Москвы XX в. В наши дни, когда понятия «духовность» и «культура» трактуются очень вариативно, а обозначенные ими сущности подвергаются эрозии, становится актуальным вопрос изучения духовной составляющей истории Маросейской общины в конце XIX – XX вв.

Обзор литературы. История храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке, а особенно история его нового и новейшего периодов, ни разу монографически не исследовалась. Имеются лишь отдельные материалы, публиковавшиеся в середине XX в. за рубежом. Прежде всего, это эмигрантский сборник «Надежда» [1] и книга члена епархиального управления Западно-Европейского экзархата Московского Патриархата М.Н. Эндена о старце Алексии Мечёве [2].

С началом перестройки появились книги и статьи о Никольском приходе на Маросейке и в России. Например, в 1991 г. увидел свет «Московский приходской сборник», в котором поместили материалы по истории храма Николо-Кленники, по связям Маросейки и Оптиной пустыни и др. [3].

В 1990-х – 2000-х гг. вышло «Жизнеописание Московского старца Алексия Мечёва», подготовленное его духовной дочерью М.Н. Соколовой (монахиней Иулианией) [4] – свидетельство современницы, пользовавшейся доверием маросейских священников. Также были изданы жизнеописания ряда так или иначе связанных с Маросейской общиной иереев и архиереев и воспоминания некоторых членов общины. В 2012 г. автор данной статьи опубликовала двухтомную монографию «Друг друга тяготы носите...», раскрывающую смысл и значение пастырского пути священномученика Сергия Мечёва [5]. Внучка о. Сергия Мечёва Ирина Сергеевна подготовила фактически выверенное житие старца [6].

Цель и задачи. В статье предполагается рассмотреть историю становления и развития общины московского храма святителя Николая в Кленниках (Маросейка). Анализ специфики исторического развития Маросейского храма позволит выявить характерные особенности этого прихода, его духовные корни и связи, показать как приход смог сохраниться и после закрытия храма.

Исследование проблемы

Первое упоминание о церкви в этой части Китай-города относится еще к XV в.: в 1468 г. в память спасения города от пожара великий князь Иоанн III поставил здесь деревянный храм во имя преподобного Симеона Дивногорца. В 1657 г. к нему пристроили Никольский придел, по которому позднее храм и стал называться. В 1690 г. возвели Казанский придел. Сооружением новой колокольни в 1749 г. завершилось формирование архитектурного облика ансамбля.

В целом жизнь небольшого и скромного храма протекала тихо и размеренно. Из важных событий XIX в. необходимо указать на факт дарения в 1869 г. московскою почетною гражданскою Анною Васильевой Левиной Феодоровской иконы Божией Матери [7]. С этой чудотворной иконой будет многое связано в истории храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Во вре-

мя настоятельства протоиерея Алексия Мечёва установится правило еженедельно служить перед этим образом молебен – правило, исполняемое и в наши дни.

Особую известность храм приобрел в первые десятилетия XX в., когда здесь начала складываться Маросейская община, опиравшаяся на духовный опыт оптинского старчества.

Старчество – уникальное явление преимущественно русской духовной жизни, которое получило широкую известность с расцветом в XIX в. Оптиной пустыни, когда там подвизались духоносные старцы. Природа и смысл старчества, по самой сути своей, подразумевает жизнь вдали от мира. Старец возлагает на себя полную ответственность за душу вверившегося ему человека и ведет его к спасению.

В 1893 г. настоятелем Николы-Кленников стал сын регента митрополичьего Чудовского хора священник Алексей Мечёв (1859–1923). Первое, что сделал отец Алексей, – вопреки бытовавшей тогда церковной практике он ввел в храме ежедневное богослужение. Однако богомольцы не спешили на Маросейку. «Восемь лет служил литургию каждый день при пустом храме, – рассказывал впоследствии батюшка. – Один протоиерей говорил мне: “Ничего у тебя не выйдет, понапрасну звонишь”» [8].

Отец Алексей продолжал служить. Постепенно молва о нем как о добром батюшке, к которому можно обратиться в любой момент, распространилась по всей Москве. Его стали приглашать на требы в разные концы города. Монахиня Иулиания (Соколова), объясняя этот факт, написала: «Батюшкина чуткость, умение подойти к людям, простота, добросердечность везде оставляли тихий свет примирения, тепла, надежды, успокоения и радости» [9].

Так, по молитвам и делам отца Алексея начала собираться община. После смерти жены (1902) по совету отца Иоанна Кронштадтского: «Будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя и тогда увидишь, что твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет» [10], – батюшка, оставаясь настоятелем храма, одновременно взял на себя подвиг старчества, окормляя не только уже весьма многолюдный маросейский приход, но и принимая страждущих со всех концов страны. По свидетельству монахини Иулиании (Соколовой), «к благодати восприятия старчества он был, несомненно, подготовлен многими годами поистине подвижнической жизни» [11].

В 1910 г. отец Алексей уже был известным в духовной и мирской среде священником. К нему шли и ехали сами, к нему посылали народ оптинские старцы: он выслушивал, вымаливал, обращал в православие. Один такой случай описан в «Московских церковных ведомостях»: «Присоединение к православию. 21-го ноября в храме св. Николая чудотворца, что в Кленниках, на Маросейке, о. настоятелем священником А.А. Мечёвым была присоедине-

на к православной церкви из лютеранства крестьянка Лифляндской губернии Феллинского уезда Юлия Яковлевна Лягц, 24 лет» [12].

Находясь в средоточии мирской суеты, священник Алексей Мечёв взял на себя подвиг старчества. Епископ Арсений (Жадановский) вспоминал: «Отец Алексей перенес Оптину в Москву, заключил ее в свою многолюбивую душу и щедро раздавал приходящим к нему неоскудевающие благоуханные дары пустыни: смирение, радость, милость и дар даров – любовь» [13]. Отец Павел Флоренский сформулировал еще конкретнее: «Маросейская община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте» [14].

Во многом благодаря «оптинскому духу» предстоятелей и прихожан Маросейской общины она сумела сохранять молитвенное общение в тяжелейшие времена и передать его потомкам. Важной была его духовная связь с современными ему оптинскими старцами Феодосием (Поморцевым; ум. 1920), Анатолием (Потаповым; ум. 1922) и Нектарием (Тихоновым; ум. 1928), не определяемая внешними обстоятельствами типа «приехал-уехал».

Владыка Арсений отмечал: «Кроме умения лечить души, отец Алексей отличался проникновенной наблюдательностью по отношению ко всей внешней жизни... смело мог говорить вопрошающему о том, нужно или не нужно ему открыть торговлю, обзаводиться семьей, покидать Родину, строить дома...

Отец Алексей был старец городской, приносящий людям несколько не менее пользы, чем какой-либо пустынный. Он в образе иерея был одним из тех подвижников, о которых пророчествовал святой Антоний Великий, говоря, что придет время, когда иноки, живя среди городов и суеты мирской, будут сами спасаться и других приводить к Богу...

Отец Алексей был тот же оптинский старец, только живущий в Москве, и в этом заключалось величайшее утешение для многих верующих москвичей, серьезно искавших духовного окормления... Глубокое взаимное почитание связывало отца Алексея с настоятелем Оптинского скита игуменом Феодосием» [15].

Связь Оптиной пустыни и маросейского священства прослеживается в основном через старца Нектария. Не случайно для своей последней исповеди старец вызвал из Москвы в калужское село Холмищи протоиерея Сергия Мечёва (1892–1942), принявшего после кончины отца приход на Маросейке. Именно о нем старец Нектарий как-то сказал: «Это ученый муж, оратор». И в другой раз: «Лучше его (отца Сергия. – *А.Г.*) не найдешь – он в Москве лучше всех» [16].

В периоды социальных потрясений именно Церковь и ее верные служители первыми принимали в свои сердца боль людей, объединяли их вокруг себя. Вот что писал в 1905 г. настоятель храма святителя Николая Чудотворца в Плотниках на Старом Арбате протоиерей Иосиф Фудель: «К нам,

пастырям Церкви, обращаются наши прихожане с неотступной просьбой указать – где же выход, умоляют принять какие-либо меры умиротворения и спасения... У нас есть собственное оружие, которое всегда при нас и единственно только действительно к господствующему чувству. Это средство – общественная молитва к Господу Любви» [17].

В смутные времена Церковь остается как последнее пристанище страждущих и алчущих утешения, стремящихся найти опору уже в новой – духовной – семье. Тогда образуются общины и братства верующих, соборно возносящих молитвы Господу. Так произошло и после революции 1917 г.

В 1918 г. со страниц «Церковных ведомостей» прозвучал призыв Патриарха Тихона (Беллавина) к священству: «Не теряйте же времени, собирайте вокруг себя стадо, собирайте их на пастырские беседы... Составляйте из благонамеренных прихожан братства, советы – что найдете полезным по местным условиям». И эти братства «составлялись».

«Дух Маросейки» – то понимание христианства и церковного богослужения, которое заложил святой праведный Алексей и которое пронес через всю свою жизнь священномученик Сергей – на протяжении десятилетий пребывал неизменным даже в бытовых деталях. Так, еще в 1924 г., к годовщине со дня кончины старца Алексея, отец Сергей благословил всем сестрам сшить одинаковые серые платья. В восстановленном Николо-Кленниковском храме за истекшие годы было совершено отпевание нескольких маросейских старушек – духовных чад отца Сергея. Обращало на себя внимание следующее: они приготовили себе «на смерть» серенькие платья. Даже в подобной мелочи проявилась верность Маросейке. И еще немаловажный факт: никто из одиноких членов маросейской общины не закончил свои дни в доме престарелых: всех досмотрели и по-христиански проводили в последний путь...

Ирина Черткова, духовная дочь протоиерея Сергея Мечёва, незадолго до кончины (в 2002 г.) составила синодик «О упокоении отец, братьев и сестер Маросейских», включающий в себя 350 имен [18]. Синодик открывается именами иереев, диаконов, иподиаконов, служивших в храме, и продолжается перечислением всех членов общины с указанием фамилий и даже прозвищ (на Маросейке носившим одинаковые имена братьям и сестрам, дабы различать их, давались прозвища – например, Таня Тонкая, Ирина Белая, Ирина Черная и так далее). Ядро общины составляли сестры, имевшие право по благословению отца Сергея носить одинаковые «маросейские» косынки (ок. 160 сестер).

Начиная с 1925 г. протоиерей Сергей ввел порядок, когда все работы в храме выполнялись не за деньги, а по послушанию. Заработную плату получали только сторож и дворник. При храме действовали кружки, в том числе чертежный и иконописный, велись занятия по изучению Библии. Учились

пению. Были кружки художественного вышивания, швейный, столярный, богословский. В кружках люди, как правило, получали специальность, позволявшую найти себе работу в миру. Организовывались пешие паломничества в Николо-Угрешский монастырь к «живому святому» – владыке Макарию (Невский; 1835–1926), пребывавшему там на покое.

Стремление жить единой семьей – еще одна отличительная особенность Маросейской общины. По свидетельству монахини Иулиании, «батюшка (старец Алексей. – *А.Г.*) же шел особым путем, путем средним, как говорят святые отцы, – “царским”» [19].

После закрытия храма, по свидетельству И.С. и Е.С. Мечёвых, маросейцы «являлись членами различных приходов, участвовали в их жизни и вместе с тем имели тесную связь друг с другом и никогда не теряли молитвенной связи с отцом Алексием и отцом Сергием» [20]. Духовные чада отца Сергия, «вкупе пребывающие и в рассеянии находящиеся» [21], смогли сквозь самые тяжкие испытания пронести и передать потомкам «дух Маросейки». Один из старейших «маросейцев» В.В. Быков (ум. в 2004 г.), увидевший возрождение храма, вспоминал, что когда «в результате постоянных арестов в Москве почти не осталось священников», отец Сергей с целью «утолить стремление братьев и сестер маросейской общины к молитвенному общению разделил их на группы по десять-двенадцать человек, поставив во главе каждой наиболее опытных людей, имена которых не разглашались». На собраниях групп читалась и обсуждалась духовная литература, письма отца Сергия из ссылки, совершались богослужения приезжавшими в Москву ссыльными иереями, в частности, и на квартире самого В.В. Быкова [22].

В августе 2000 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в лике праведных прославил старца Алексея, пресвитера Московского, а в великом сонме новомучеников и исповедников Российских XX в. – протоиерея Сергия Мечёвых. 16 июня 2001 г. на Введенском кладбище в Москве были обретены честные мощи старца Алексея и 29 сентября крестным ходом во главе со Святейшим Патриархом Алексием II (Ридигером) перенесены из Новоспасского монастыря в храм святителя Николая в Кленниках. В восстановленном храме есть придел во имя святого праведного Алексея и священномученика Сергия.

Выводы

Исследование истории становления общины московского Никольского храма на Маросейке дало возможность раскрыть характерные особенности этого прихода, заключавшиеся прежде всего в его жизнеспособности.

Опираясь на свидетельства монахини Иулиании (Соколовой) и И.С. Мечёвой, можно с уверенностью утверждать: поистине беспримерная жизнеспособ-

способность Маросейской общины изначально была predetermined тем, что создал и окормлял ее не просто духоносный священник Алексей Мечёв, но именно старец в миру, по духу равный оптинским подвижникам.

Уникальным предстает феномен созданной святым праведным Алексием Мечёвым еще до революции Маросейской общины, сумевшей сохранить молитвенное единение вплоть до 1990-х гг., когда храм святителя Николая в Кленниках возвратили Русской Православной Церкви. Именно потому, что Маросейская община представляла собой не просто приход, а «соборно совершающую богослужение духовную семью», «редчайшую полноту, почти не встречающуюся». Она, в отличие от множества других тогдашних православных общин и братств, не сгинула в своей сокровенной сущности с закрытием храма в 1932 г.

«Монастырь в миру» – вот что в главном удалось осуществить основателям Маросейской общины: этим и была обусловлена ее уникальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Сергий (Мечёв), сщм.* Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1981. Вып. 6. С. 235–260; Воспоминания об отце Сергии Мечёве, мученически пострадавшем за Христа // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1985. Вып. 12. С. 83–114.
- [2] *Энден М.Н.* Отец Алексей Мечёв. Париж, 1970.
- [3] Московский приходской сборник. Вып. 1. Храм Николая чудотворца в Кленниках. Приложение к «Московскому журналу». М., 1991.
- [4] *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание Московского старца отца Алексия Мечёва. М., 1992, 1999, 2005, 2011.
- [5] «Друг друга тяготы носите...» Жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва. Сост. А.Ф. Грушина. В 2 т. М., 2012.
- [6] Архив храма святителя Николая в Кленниках. Рукопись.
- [7] Московские епархиальные ведомости. 1870. № 11. С. 6–7.
- [8] *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание Московского старца... М., 2005. С. 34.
- [9] Там же. С. 50.
- [10] Там же. С. 51.
- [11] Там же.
- [12] Московские церковные ведомости. 1907. № 48. 1 декабря.
- [13] *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М., 1995. С. 23.
- [14] *Павел Флоренский, свящ.* Отец Алексей Мечёв. Сочинения. В 4-х тт. М., 1996. Т. 2. С. 38.
- [15] *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание Московского старца... С. 73–74.
- [16] Архив храма святителя Николая в Кленниках. Рукопись.
- [17] *Фудель С.И.* Воспоминания. В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 16–25; «Друг друга тяготы носите...». С. 442.
- [18] Архив храма святителя Николая в Кленниках. Рукопись.
- [19] *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание Московского старца... С. 169.

- [20] Архив храма святителя Николая в Кленниках. Аудиозапись.
[21] «Друг друга тяготы носите...». С. 443.
[22] Быков В.В. О домашних церквях и батюшке – отце Александре Ильине. Из воспоминаний о жизни маросейской общины – храма Свт. Николая в Кленниках. 1923–1943 // *Ныне и присно*. 2004. № 1. С. 15.

REFERENCES

- [1] Sergij (Mechjov), sshhm. Pis'ma neizvestnogo svjashhennika iz ssylki svojim duhovnym chadam. *Nadezhda – [Hope]*. Frankfurt am main, 1981, no. 6, pp. 235–260; Vospominanija ob otce Sergii Mechjove, muchenicheski postradavshem za Hrista. *Nadezhda – [Hope]*, 1985, no. 12, pp. 83–114.
[2] Jenden M.N. *Otec Aleksej Mechjov* [Father Alexei Mechov]. Paris, 1970.
[3] *Moskovskij prihodkoj sbornik* [Moscow Prikhodko collection]. Moscow, 1991, issue 1.
[4] Iulianija (Sokolova), mon. *Zhizneopisanie Moskovskogo starca otca Aleksija Mechjova* [Biography of an moscovite elder father Alexis Mecheva]. Moscow, 1992, 1999, 2005, 2011.
[5] «*Drug druga tjagoty nosite...*» *Zhizn' i pastyrskij podvig svjashhennomuchenika Sergija Mechjov* ["One another's bear ..." The life and pastoral feat Holy Martyr Sergius Mecheva]. Composed by A.F. Grushina. Moscow, 2012.
[6] *Arhiv hrama svjatitelja Nikolaja v Klennikah. Rukopis'* [Archive of the church of St. Nicholas in Klennikah. Manuscript].
[7] *Moskovskie eparhial'nye vedomosti – [Moscow diocesan sheets]*, 1870, no. 11, pp. 6–7.
[8] Iulianija (Sokolova), mon. *Zhizneopisanie Moskovskogo starca otca Aleksija Mechjova*, p. 34.
[9] *Ibid.*, p. 50.
[10] *Ibid.*, p. 51.
[11] *Ibid.*
[12] *Moskovskie cerkovnye vedomosti – [Moscow church Gazette]*, 1907, December 1.
[13] Arsenij (Zhadanovskij), ep. *Vospominanija* [Memories]. Moscow, 1995, p. 23.
[14] Pavel Florenskij, svjashh. *Otec Aleksij Mechjov. Sochinenija* [Father Alexy Mechov. Compositions]. Moscow, 1996, vol. 2, p. 38.
[15] Iulianija (Sokolova), monah. *Zhizneopisanie Moskovskogo starca otca Aleksija Mechjova*, pp. 73–74.
[16] *Arhiv hrama svjatitelja Nikolaja v Klennikah. Rukopis'*.
[17] Fudel' S.I. *Vospominanija* [Memories]. Moscow, vol. 1, pp. 16–25; «*Drug druga tjagoty nosite...*», p. 442.
[18] *Arhiv hrama svjatitelja Nikolaja v Klennikah*.
[19] Iulianija (Sokolova), monah. *Zhizneopisanie Moskovskogo starca otca Aleksija Mechjova*, p. 169.
[20] *Arhiv hrama svjatitelja Nikolaja v Klennikah. Audiozapis'*.
[21] «*Drug druga tjagoty nosite...*», p. 443.
[22] Bykov V.V. O domashnih cerkvjah i batjushke – otce Aleksandre Il'ine. Iz vospominanij o zhizni marosejskoj obshhiny – hrama Svt Nikolaja v Klennikah. 1923–1943. *Nyne i prison – [Now and forever]*, 2004, no. 1, p. 15.

**ROLE OF COMMON VESTRY OF ST. NICHOLAS CHURCH
IN MAROSEIKA STREET
IN SPIRITUAL LIFE OF MOSCOW IN XXTH CENTURY**

A.F. Grushina

Moscow journal: History of the Russian State
Nikoloyamskaya St., 45–8, Moscow, Russia, 109004

The article concentrates on the history of the formation and development of the Common Vestry of Moscow Church of St. Nicholas in Klenniki. There are revealed the outstanding characteristics of the living, its spiritual origins and bonds. In the centre of the research is the ministration of two hegumens of the church, namely: archpriest Alexius Mechov and his son priest Sergius Mechov. The father started the penancing-liturgical family and the son continued the father's work, retained and enriched his pastoral heritage. The Common Vestry of the Church of St. Nicholas in Klenniki, which had been guided by father Sergius, turned out to be one of the most wonderful phenomena of the Russian Church history of the previous century. In the years of the persecutions against the Church it survived. The peculiarity of this living was that it was disintegrated after the shutdown of the church and the taking away of the pastors. This peculiarity is unique not only for Moscow, but also for all Russian Orthodox Church.

Key words: Common Vestry, liturgical family, congregational life, staretz Aleksij Mechyov, hieromartyr Sergij Mechyov, spirituality, culture.